ВЫЯВЛЕНИЕ ОПАСНЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ОЦЕНКА ПРЕСТУПНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Мухитдинов Фахритдин Мухитдинович
доктор юридических наук, профессор,
Университет общественной безопасности
Республики Узбекистан

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных криминологических теорий и перспектив их применения в правоприменительной практике Республики Узбекистан. Рассматриваются основные положения теории рационального выбора, теории рутинной активности, теории «разбитых окон» и концепции ситуационной профилактики преступности. Автор анализирует возможности адаптации зарубежного опыта предупреждения преступности к условиям национальной правовой системы. Исследование основано на комплексном анализе научной литературы, нормативно-правовых документов и статистических данных о преступности в Узбекистане. Сделан вывод о необходимости интеграции современных криминологических теорий в систему предупреждения преступности с учетом национальных особенностей и культурных традиций.*
Ключевые слова: *криминология, теория рационального выбора, рутинная активность, ситуационная профилактика, разбитые окна, экологическая криминология, предупреждение преступности, Узбекистан.*

Annotatsiya. *Maqola zamonaviy kriminologik nazariyalar va ularning O'zbekiston Respublikasi huquqni qo'llash amaliyotida qo'llanish istiqbollarini tahlil qilishga bag'ishlangan. Oqilona tanlov nazariyasi, oddiy faoliyat nazariyasi, «singan oynalar» nazariyasi hamda jinoyatchilikning situatsion profilaktikasi kontseptsiyasining asosiy qoidalari ko'rib chiqiladi. Muallif jinoyatchilikning oldini olishning xorijiy tajribasini milliy huquqiy tizim sharoitlariga moslashtirish imkoniyatlarini tahlil qiladi. Ekologik kriminologiya nazariyalarini shaharsozlik rejalashtirish va ijtimoiy fazolarni tashkil etish kontekstida qo'llashning amaliy jihatlariga alohida e'tibor qaratiladi. Tadqiqot ilmiy adabiyotlar, me'yoriy-huquqiy hujjatlar va O'zbekistondagi jinoyatchilik statistik ma'lumotlarining kompleks tahliliga asoslangan. Milliy xususiyatlar va madaniy an'analarni hisobga olgan holda zamonaviy kriminologik nazariyalarni jinoyatchilikning oldini olish tizimiga integratsiya qilish zarurligi xulosasi chiqarilgan.*
Kalit so'zlar: *kriminologiya, oqilona tanlov nazariyasi, oddiy faoliyat, situatsion profilaktika, singan oynalar, ekologik kriminologiya, jinoyatchilikning oldini olish, O'zbekiston.*

Abstract. *This article analyzes modern criminological theories and prospects for their application in law enforcement practice of the Republic of Uzbekistan. The main provisions of rational choice theory, routine activity theory, broken windows theory, and the concept of situational crime prevention are examined. The author analyzes the possibilities of adapting foreign crime prevention experience to the conditions of the national legal system. Special attention is paid to practical aspects of applying ecological criminology theories in the context of urban planning and public space organization. The study is based on a comprehensive analysis of scientific literature, legal acts, and crime statistics in Uzbekistan. The conclusion is drawn about the necessity of integrating modern criminological theories into the crime prevention system, taking into account national characteristics and cultural traditions.*
Keywords: *criminology, rational choice theory, routine activities, situational prevention, broken windows, environmental criminology, crime prevention, Uzbekistan.*

В настоящее время современная криминология переживает период активного развития теоретических подходов к объяснению преступности и разработке стратегий ее эффективного предупреждения. В последние десятилетия особое внимание исследователей привлекают теории, сформировавшиеся в направлениях рационального выбора преступности, ситуационных факторов и экологических основ совершения преступлений [1]. Эти подходы открыли новые возможности для практического применения криминологических знаний в правоохранительной деятельности и планировании архитектурно-проектировочной деятельности в городах – **CPTED** (**Crime Prevention Through Environmental Design –** предотвращение преступлений посредством проектирования окружающей среды).

В этом отношении кардинальные изменения отчетливо видны и в жизни нашей страны. Президент Республики Узбекистан **Ш.М. Мирзиёев** в своем Послании народу страны и Олий Мажлису от 26 декабря 2025 года особо отметил о задачах по усилению профилактики преступности, в частности, о совершенствовании социального контроля на уровне махалли. Глава государства подчеркнул, что «система профилактики преступности должна строиться на основе современных подходов, и профилактическая работа должна начинаться именно с махаллей» [2].

В целях реализации этих задач в Постановлении №1 «**О дополнительных мерах, направленных на внедрение целостной адресной системы работы по созданию безопасной среды в махаллях республики»,** принятом Президентом Республики Узбекистан 5 января 2026 года, поставлена задача резкого снижения преступности путем эффективного внедрения системы адресных профилактических мер по созданию безопасной среды в махаллях, при этом коренным образом совершенствуя работу на уровне махаллей, с повышением эффективности социальной профилактики в качестве приоритетной задачи [3].

В рамках данного Постановления предусмотрены меры по усилению роли структур махалли в профилактике преступности, расширению систем видеонаблюдения, активизации социально-воспитательной работы с молодежью, в частности, целенаправленной работы с лицами, подверженными риску антисоциального поведения в семье и махалле. Также в Постановлении в качестве приоритетных направлений определены организация социального контроля в махаллях, обеспечение порядка в общественных местах и развитие добрососедского сотрудничества [3].

Следует отметить, что глубокие социально-правовые реформы, осуществляемые в нашей стране, тесно связаны с основными положениями современных криминологических теорий. Усиление общественного контроля в махаллях соответствует принципам профилактических программ, которые сегодня широко и эффективно применяются в практике развитых стран на основе научных теорий, а использование такого зарубежного опыта служит созданию эффективного противодействия преступности. Поэтому на сегодняшний день изучение современных криминологических теорий и их адаптация к национальным условиям имеет актуальное научно-практическое значение.

Исходя из этого, данная статья посвящена научно-теоретическим и практическим проблемам двух основных направлений современной криминологии: а) *теории оценки риска преступности* и б) *методы выявления территорий с высоким риском совершения преступлений.*

Почему эта тема важна для современной политики борьбы с преступностью? Ответ на этот вопрос прост: субъекты, осуществляющие профилактическую деятельность, часто сталкиваются с двумя важными вопросами:

- **Первый** – *кто может совершить повторное преступление*?
- **Второй** – *где происходит больше преступлений*?

В этой статье мы попытаемся изучить научные методы, основанные на международном опыте, и рассмотреть вопросы их практического применения. При рассмотрении этих вопросов необходимо определить несколько направлений, и в этой работе, несомненно,

целесообразно сначала обратиться к истокам этих теорий.

Итак, **«Теория оценки риска преступности»** возникла в США в 60–70-х годах прошлого века. Позднее криминологи стали называть эту теорию «Клиническим периодом» борьбы с преступностью. Представьте себе, что в 1960-х годах в Соединенных Штатах судьи и психологи полагались исключительно на свои «внутренние убеждения» при принятии решения о том, наказывать ли преступников или освобождать их из тюрьмы. В ходе этого процесса психолог беседовал с осужденным в течение 30 минут и представлял свое заключение суду. Часто он заявлял судье: *«Это лицо безопасно и может быть освобождено от наказания»* или, наоборот, *«это лицо очень опасно, его необходимо оставить в* тюрьме» [4].

Однако к 1970-м годам американский ученый **Пол Мил** опубликовал результаты собственного исследования по определению степени общественной опасности преступника. Он проанализировал более 150 научных исследований, проведенных в течение 50 лет до него, и пришел к следующему выводу: «Из 10 клинических прогнозов, основанных на интуиции и внутреннем убеждении психологов о том, является ли лицо, совершившее преступление, общественно опасным или нет, только 3-4 могут оказаться верными. То есть, Пол Мил пришел к выводу, что в этом прогнозе предсказатели допускают 60-70 процентов ошибок [5].

Безусловно, последствия этой ошибки были опасны для общества. Часто преступники с высокой степенью общественной опасности освобождались, а лица с низкой степенью опасности оставались в заключении. Поэтому психологи и психиатры вообще не должны делать прогнозы в судебном процессе, поскольку их прогнозы не отличаются от «подбрасывания монеты» [6].

История возникновения статистического метода в этот период (1980-1990 годы) сложилась именно в такой ситуации. Большой вклад в создание статистического метода оценки преступности внесли профессора Оттавского университета в Канаде **Джон Эндрюс** и **Джеймс Бонта**. Они опубликовали научную работу, признанную новым – революционным подходом к криминологической теории. Эта работа называется «**Психология преступного поведения**» (англ. «**The Psychology of Criminal Conduct**») [7]. Авторы этой работы – Эндрюс и Бонта – на протяжении 20 лет наблюдали за более чем 15 тыс. лиц, осужденных за различные преступления, и опубликовали свои выводы, основанные на глубоких научных данных, собранных в ходе этого процесса. Собранные ими данные имели четкую структуру и включали следующую информацию:

- **Возраст заключенных**
- **Возраст, в котором они впервые совершили преступление**
- **Количество судимостей**
- **Семейное положение**
- **Обстоятельства совершенного преступления (преступлений)**
- **Отношение к алкоголю/наркотикам.**

Кто их постоянные друзья и близкие люди, а также была сформирована база данных из более чем 50 показателей, отражающих социально-демографические и социально-психологические характеристики осужденных.

Зафиксированные данные были размещены в единой базе, а дальнейшие жизненные процессы этих лиц отслеживались исследователями. На основе многолетних наблюдений были проанализированы общие и частные признаки того, какие ранее судимые (или имевшие проблемы с законом) лица совершили повторные правонарушения, какие внутренние психологические мотивы послужили причиной этого, а также как условия внешней среды повлияли на совершение преступлений.

Когда результаты исследования были опубликованы, они не могли не поразить многих. Потому что данные, собранные всего по 8 факторам, увеличили возможность прогнозирования повторного совершения преступлений в 3-5 раз. В основе этих факторов лежат, прежде всего, социально-демографические и социально-психологические данные и их анализ, отражающие криминальную историю личности, то есть ранее совершенные ею преступления. Была создана обширная база

данных, касающаяся личности, которая регулярно пополнялась и анализировалась [7].

В то же время, серьезный успех, достигнутый вышеупомянутыми исследователями, связан с созданием ими разработанной модели **RNR**. Д. Эндрюс и Дж. Бонта не только выявили криминогенные факторы, но и создали на этой основе модель, формирующую комплекс индивидуальных мер, направленных на прогнозирование рецидивной преступности и эффективное предотвращение ее на основе криминальной истории личности, в соответствии с ее социально-демографическими и социально-психологическими характеристиками [9]. Эта цельная система профилактической деятельности была сформирована на основе следующих понятий:

- **Risk**, т.е. **Риск**: лица с высокой вероятностью совершения преступления нуждаются в большей социально-правовой и психологической помощи и поддержке;
- **Need**, т.е. **Потребность**: Необходимо глубоко изучить криминогенные потребности лиц, ранее судимых (на основе вышеупомянутых 8 факторов);
- **Responsivity**, т.е. **Восприимчивость**: необходимо формировать индивидуальный подход к каждому человеку.

Модель профилактики, разработанная в результате исследований, проведенных учеными-криминологами (**RNR – РПВ**), была впервые апробирована на практике в 1993 году в провинции Онтарио, Канада. В испытании участвовали 1200 лиц, приговоренных к условному осуждению, с которыми в течение 2 лет регулярно проводилась профилактическая работа. Эксперимент проводился двумя методами на 100 предварительно отобранных человек – **старым** методом (т.е. на основе сложившейся в то время традиционной практики) и **новым** методом (т.е. методом **RNR – РПВ**).

Результат профилактики рецидивной преступности на основе **старого** метода: за 2 года эксперимента 45 из 100 ранее судимых лиц совершили повторные преступления, что отражает результат в 45%;

В новом, то есть **RNR – РПВ** методе профилактической деятельности за тот же период только 28 из 100 лиц совершили повторные преступления (результат – 28% рецидива).

Таким образом, успех, достигнутый в результате осуществления профилактической деятельности данным методом, определялся разницей между результатами «**старого**» и «**нового**» методов, а именно разницей в 17% в пользу нового метода. Такой результат был оценен экспертами и политиками как положительное достижение. Поскольку, согласно расчетам, основанным на этом успехе, если суды в провинции Онтарио ежегодно освобождают от наказания 10 тыс. человек, этот метод профилактики рецидивной преступности позволит предотвратить 1700 новых преступлений [10].

На основе проведенных экспериментов важно понять этапы развития системы оценки рисков, возникающих для общества в результате преступности, а также особенности каждого этапа. Среди криминологов широко распространено понятие «**поколения**» (англ. «Generations»), которое подразумевает этапы развития методов и средств оценки лиц, подверженных риску совершения преступлений. Эти этапы были разделены криминологами на пять последовательных стадий:

1-е поколение: охватывает 1970-е годы и включает в себя 5-7 факторов, связанных с общей информацией об объекте профилактики – как возраст человека и история его преступной деятельности, обеспечивающих осуществление профилактической деятельности;

2-е поколение: в 1980-х годах сформировалась система Д. Эндрюса и Дж. Бонты «Уровень сервисной инвентаризации,» т.е. LSI (Level of Service Inventory), вошедшая в профилактическую деятельность по предотвращению повторного совершения преступлений ранее судимыми лицами. Эта система автоматизировала анализ данных с учетом более 50 социально-демографических и социально-психологических факторов и факторов внешней среды, направленных на предотвращение преступлений, особенно рецидивов;

3-е поколение: Этот этап, приходящийся на 90-е годы прошлого века, характеризуется внедрением метода «Динамической оценки»

лиц, которые могут совершить преступления в будущем, с точки зрения «риска». Данный метод оценки позволяет выявлять изменения в поведении человека на основе непрерывного обследования и изучения лиц, входящих в различные группы «риска,» по возможности каждые 3-6 месяцев. По мере выявления и фиксации изменений в поведении исследуемого лица, меняется и степень риска;

4-е поколение: Этот этап развития охватывает 2000-2020 годы, при котором оценка лиц с определенными рисками основывалась не только на математическом моделировании, но и на интеграции кейс-менеджмента факторов риска, то есть на комплексном моделировании различных негативных и позитивных показателей у конкретных лиц, связанных с ними жизненных ситуаций и действий субъектов профилактической деятельности, формировании методов и средств решения возникающих проблем. При этом в качестве основного инструмента важными аспектами стали индивидуальный подход к работе с различными лицами, относящимися к группе «риска», механизмы контроля потребностей, порождающих преступные мотивы, а также уровень, масштаб и направления сотрудничества субъектов, осуществляющих эту деятельность;

И наконец, **5-е поколение**: началось в 2020 году и продолжается по сей день. Данный этап развития методов и средств оценки уровня «опасности» лиц, подверженных риску совершения преступления, теперь включает в себя широкое использование возможностей «Искусственного интеллекта» для прогнозирования этой ситуации, а также функционирование алгоритмических программ различных цифровых технологий, способных анализировать множество изменяющихся внешних и внутренних факторов в целостной системе. С помощью этих методов и инструментов оценка уровня «опасности» у лиц, а также точность прогнозов, сделанных на их основе, возросли до 75 процентов [10].

Одной из эффективных систем концепции оценки рисков является «**Оценка преступников**», применяемая в Великобритании с 2002 года, т.е. внедренная государством система **OASys** (***Offender Assessment System***). Следует отметить, что эту систему используют все тюремные и пробационные службы страны. Система «Оценка преступников» прежде всего имеет собственную базу данных, в которой в основном составлен список лиц, совершивших определенные правонарушения. В системе формируются социально-демографические и социально-психологические данные лиц, зарегистрированных на основе более 200 параметров, и они автоматически регулярно анализируются. В результате алгоритмического анализа данных разрабатывается и реализуется комплексный план индивидуальных профилактических мер для каждого лица, состящего на учете. Проведенная профилактическая деятельность проверяется и оценивается по итогам каждого полугодия. На следующее полугодие в план профилактической деятельности вносятся необходимые корректировки [11].

В связи с 10-летием функционирования данной системы в 2012 году была изучена ее эффективность. Согласно результатам исследования, приведенные цифры убедительно доказали эффективность этой системы. В частности, за 10-летний период общее количество рецидивных преступлений в Великобритании снизилось с 46 процентов в 2002 году до 10 процентов в 2012 году, то есть на 36 процентов (если в первый год внедрения системы было совершено 20 тысяч рецидивных преступлений, то через 10 лет их число составило 18 тысяч). Более того, рецидивная преступность среди лиц с «высоким риском» снизилась на 12 процентов (с 31 до 19 процентов). Также наблюдалось снижение случаев возвращения лиц в места отбывания наказания на 28 процентов [12].

В то же время, эксперты признают, что внедрение этой системы в практическую деятельность оказалось весьма выгодным для казны «**Короны**». Так, Министерство финансов Великобритании тратит только 15 миллионов фунтов стерлингов на систему «**Оценки преступников**», то есть OASys. Однако благодаря ежегодному снижению преступности казна страны ежегодно экономит не менее 150 миллионов фунтов стерлингов. То есть каждый

1 фунт, который страна тратит на применение этой системы, возвращается ей в размере 10 фунтов [12]. Финансовая статистика показывает, насколько эффективную социальную и финансовую систему сформировала страна в борьбе с преступностью.

Теория географической криминологии занимает особое место среди современных криминологических учений, сформировавшихся в области борьбы с преступностью. Хотя эта теория признана современным криминологическим учением, она имеет давнюю историю. В частности, **Адольф Кетле** (1796-1874) упоминается как основоположник этой криминологической школы. Бельгиец Адольф Кетле, по специальности математик и статистик, одним из первых заложил основы научного изучения преступности. В 1835 году он опубликовал работу **«О человеке и развитии его способностей»** (фр. **«Sur l'homme et le développement de ses facultés»**).

Вклад А. Кетле в науку криминологии заключался в том, что ему впервые удалось вести и анализировать статистику преступлений, совершаемых в различных городах Франции и Бельгии. Его анализ статистики преступности помог выявить удивительные научные факты. По утверждению ученого, «уровень преступности, подобно естественным закономерностям, носит массовый и постоянный характер для каждого региона. Например, в центре Парижа количество преступлений практически одинаково каждый год – от 250 до 270 преступлений на 100 тыс. населения, тогда как в сельской местности страны регистрируется всего 30-40 преступлений на 100 тыс. населения» [13].

Научные выводы А. Кетле были революционными для того времени, поскольку из этих выводов можно было установить закономерность о том, что преступность может быть непосредственно связана не только с личностными характеристиками людей, но и с местом, территорией.

В последующие периоды **Географическая криминология** разделилась на несколько теорий в соответствии с научными идеями и практическими основами, а на их основе – на криминологические школы. Одной из крупнейших таких школ является **«Чикагская криминологическая школа»** (1920-1940). Исследования ученых кафедры Чикагского университета, расположенного в одноименном городе США, посвященные изучению преступности на основе социальных и криминологических проблем, в основном связаны с изучением проблем «**Социальной дезорганизации**». На вопрос, почему именно Чикаго, исследователи отвечают следующим образом: в 1920-40-х годах Чикаго считался самым опасным городом в США. Аль Капоне, лидер организованной преступности, и его группировка управляли городом, где ежедневно совершались убийства, грабежи, вымогательства и кражи. Такие тяжелые социально-правовые условия в городе побудили социологов Чикагского университета искать ответ на вопрос, почему беспорядки охватили город.

Исследователями, которые задавали эти вопросы и стремились найти на них ответы, были **Клиффорд Шоу** (1895-1957) и **Генри Маккей** (1899-1980). Эти два молодых исследователя на протяжении двадцати лет изучали особенности и факторы преступности в городе Чикаго, используя данные, собранные начиная с 1920 года [14].

Прежде чем приступить к исследованию, К. Шоу и Г. Маккей взяли карту города и отметили на ней места проживания каждого несовершеннолетнего, совершившего преступление, а также районы, где они проводят большую часть своего времени. Таким образом, исследователи составили карту более 60 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними. В результате выяснилось, что преступность распределена довольно неравномерно по районам города. На основании этого, согласно карте преступности города Чикаго, он был разделен на 5 опасных районов или 5 «зон». В частности, **Зона 1 (Центр)** – территория, где расположены бизнес центры и объекты предпринимательства, в котором уровень преступности был низким; **2-я Зона (Переходная зона)** – территория расположения производственных и развлекательных учреждений. Преступность здесь была

чрезвычайно высокой (примерно 9800 преступлений несовершеннолетних на 100 тыс. несовершеннолетних жителей); **3-я Зона (Рабочий район)** – эти районы имели средний уровень преступности (4500 преступлений несовершеннолетних на 100 тыс. несовершеннолетних), а также **4-5-я Зоны (Районы проживания среднего класса и богатых людей)** – в этих районах уровень преступности среди несовершеннолетних был значительно ниже (1200 преступлений на 100 тыс. несовершеннолетних) [15].

Карта преступности, составленная К. Шоу и Г. Маккеем, позволила определить, в каких именно районах сконцентрирована преступность и каковы социальные характеристики этих районов. Как уже упоминалось, исследования проводились учеными в течение 20 лет, и за это время изменилась карта расселения населения. К моменту завершения своих исследований ученые обнаружили, что во 2-й зоне, наиболее криминогенной, сначала проживали граждане немецкой национальности, затем их сменили граждане ирландской национальности, затем итальянцы, а к концу исследования там начали селиться мексиканцы. Тем не менее, уровень преступности оставался неизменным. Вывод исследователей заключался в том, что проблемы, связанные с преступностью, обусловлены не особенностями какой-либо нации, а самой территорией, расположенными на ней социальными объектами и социальной средой, сформировавшейся под их влиянием [21]. При этом, исследователи выделили несколько факторов, объясняющих высокие показатели преступности для Зоны 2:

• *бедность* – около 60 процентов городского населения жили в бедности;

• *частая смена населения* - высокая склонность населения к перемене места жительства;

• *особенности образа жизни населения* – большая часть населения живет в нищете и проживает в общежитиях большими группами;

• *наличие большого количества промышленных предприятий и учреждений сферы обслуживания превратило его в постоянно загрязненную и шумную территорию*;

• *отсутствие учреждений, служащих формированию духовности и нравственности, например, церквей*;

• *крайне неудовлетворительное состояние дел в действующих образовательных учреждениях*;

• *отсутствие полицейских пунктов на местах.*

В результате системного анализа этих факторов исследователи заложили основы важного научного направления – **теории социального беспорядка**. В его основе лежала идея: «причина преступности связана не только с людьми, но, прежде всего, с уровнем организации социальной среды в обществе». К. Шоу и Г. Маккей твердо придерживались мнения, что «если общество находится в состоянии беспорядка, преступность будет оставаться на высоком уровне» [14].

В 1934 году К. Шоу разработал **«Территориальный проект г. Чикаго»** для проверки своей научно-теоретической идеи и внедрил его в практическую жизнь. Проект начал действовать в опасных районах с чрезвычайно высоким уровнем преступности. В рамках проекта в опасных зонах были построены молодежные центры и спортивные сооружения, начали функционировать курсы по подготовке руководителей, управляющих территорией (в нашем понимании – махалля). В этих районах круглосуточно стали работать учреждения, занимающиеся консультированием семей, оказавшихся в особо сложной социальной и психологической ситуации, были возведены церкви, и определенные слои населения были привлечены к участию в церковной жизни. За 10 лет реализации проекта был достигнут значительный прогресс в предотвращении ситуаций, порождающих преступность. В частности, уровень преступности в проблемных районах снизился на 30-35 процентов [14].

Еще одной важной теорией, занимающей особое место в современной криминологии, является **Теория рутинной деятельности**. Эта школа сформировалась в университетах США, и ее основателями признаны профессор Иллинойского университета А. Лоуренс Коэн и профессор Калифорнийского университета

Маркус Фелсон. Возникновению этой школы способствовала проблемная ситуация, наблюдавшаяся в жизни общества. Сложившаяся в 1970-х годах в США устойчивая практика, основанная на научных взглядах, всегда связывавших причины преступности с бедностью и социальными проблемами, внезапно столкнулась с трудностями. Дело в том, что к 60-70-м годам прошлого века в Соединенных Штатах наблюдалось значительное улучшение экономического положения, снижение уровня безработицы, улучшение условий жизни людей, повышение качества образования, однако одновременно происходил и рост уровня преступности. В период с 1960 по 1975 год преступность в стране выросла почти вдвое. Эта ситуация не могла не удивить ни социологов, ни криминологов, ни политиков. По сути, ни одна из существовавших в то время криминологических теорий не была способна объяснить это социально-правовое явление. Сама жизнь опровергла представления критических и радикальных криминологических теорий о том, что преступность постепенно снижается по мере улучшения социальной жизни людей.

В этот период в возникшей научно-теоретической неопределенности Л. Коэну и М. Фелсону удалось сформулировать новую идею для криминологических учений. В 1979 году исследователи предложили новую – «**Теорию рутинной деятельности**». Согласно этой теории, преступление всегда следует понимать как социальное явление, возникающее в результате взаимного соответствия и гармонизации внешних факторов и внутренних факторов личности.

На основе этой концепции исследователи выдвинули точку зрения, что для совершения преступления необходимо одновременное присутствие трех элементов в одном месте. Это подразумевало совокупность следующих элементов:

1. **Мотивированный преступник**
2. **Подходящая цель (жертва)**
3. **Отсутствие системы охраны на объекте посягательства или отсутствие объекта-субъекта, защищающего жертву** [16].

По мнению Л. Коэна и М. Фелсона, в отсутствие хотя бы одного из этих трех элементов преступление может не произойти. На основе этой теории ее авторы пытались объяснить состояние преступности в стране в 1960-1975 годах. По их мнению, именно в этот период произошли серьезные изменения в социальной жизни общества. Эти изменения были связаны, прежде всего, с ростом социальной активности женщин: в этот период многие женщины стали активно заниматься общественно-экономической деятельностью. Это создало благоприятные условия для преступности. То есть:

- **Женщины начили работать → Дома остались пустыми днём → Эти дома становятся легкой добычей для воров**.

Кроме того, по мнению исследователей, экономический подъем в стране привел к росту доходов домохозяйств, что, в свою очередь, вызвало резкое увеличение покупательской активности людей и рост имущества в домохозяйствах. Это также было одним из важных факторов, способствовавших росту преступности в стране, а именно:

- **Рост доходов людей → Активизирует покупку телевизоров, радиоприемников, автомобилей → Создает почву для появления множества «целей»**.

Более того, трудоустройство многих людей в определенной степени привело к снижению уровня общественного контроля в жилых районах. Известно, что отсутствие контроля является весьма благоприятным фактором для роста преступности. То есть:

- **Снижение контроля и бдительности в жилых районах → Люди на работе, а соседей на улице нет → Отсутствует необходимая система охраны** [16].

Вышеупомянутые взгляды Л. Коэна и М. Фелсона были не просто абстрактными научными выводами; они выдвинули свои идеи на основе анализа конкретных научных фактов. Для этого исследователи проанализировали статистические данные о состоянии преступности за 1960-1975 годы. В результате они столкнулись со следующей ситуацией, подтверждающей их выводы:

Таблица Л. Коэна и М. Фелсона

Год	Женщины, находящиеся дома днем	Кражи (на 100 тыс.домов)
1960	60%	1 100
1965	50%	1 300
1970	42%	1 700
1975	35%	2 400

Следовательно, по мнению Л. Коэна и М. Фелсона, чем ниже уровень охраны объектов, тем больше преступлений совершается против них [16].

Основываясь на таком научном анализе, «**Теория рутинной активности**» предоставила практике знание о необходимости не упускать из виду множество, даже обыденных, ситуаций и явлений, которые могут создать определенную цель для преступности. На её основе был разработан ряд рекомендаций и принят ряд программ для практического применения. В частности,

- программа «Соседский дозор» (англ. «Neighborhood Watch»), направленная на усиление социального контроля, то есть в соответствии с этой программой соседи наблюдают друг за другом;
- подключение дома к системам сигнализации, то есть передача домов под охрану;
- установка видеокамер – организация системы «электронного наблюдения»;
- освещение всех улиц в вечернее время, то есть подход, основанный на принципе «преступник виден» при освещении улиц [16].

В результате многолетней практической деятельности, проведенной на основе этих предложений и рекомендаций, было достигнуто снижение роста преступности в несколько раз, независимо от роста экономических и социальных факторов.

Следующей эффективной современной теорией, сформировавшейся в сфере предупреждения преступности, является «**Теория шаблонов преступлений**». Эта теория возникла в Соединенных Штатах Америки в 80-90-х годах прошлого века, и её основателями признаются профессора Университета Саймона Фрейзера в Канаде, супруги **Пол Брантингем** и **Патриция Брантингем**.

Центральная идея «Теории шаблонов преступлений» заключается в том, что «**преступность в большинстве случаев совершается на территориях, где существуют благоприятные условия**». Эта теория также связывала фактор, вызывающий преступность, с концепцией «**места преступления**». По мнению Брантингемов, если преступник планирует преступление, он не совершает его в случайных местах; он совершает преступление только в местах, которые он хорошо знает, где внешняя среда ясна, то есть в среде, существующей на созданной им «**ментальной карте**». Исследователи включили следующие элементы в состав «ментальной карты» преступника:

- **Собственное жилое помещение и его окрестности**
- **Рабочее место и его окрестности**
- **Магазины и торговые комплексы**
- **Дома друзей и знакомых**
- **Развлекательные заведения.**

На основе этих элементов Брантингемы утверждали, что можно составить довольно точный «**маршрут передвижения**» преступника [28]. Они считают, что преступник может совершать преступления в основном по этим маршрутам. Их мнение было сформировано путем изучения личного опыта более 400 преступников, непосредственно совершивших кражи. В результате исследования, проведенного в 1991-1992 годах установлено, что:

- 85% краж совершены в радиусе 5 км от домов преступников;
- 60% - совершено по маршруту между местом работы преступника и его местом жительства;
- только 8% воров совершали преступления в районах, которые им «не знакомы» [18].

Вместе с тем, в дальнейшем сторонниками

теории «шаблонов преступлений» была разработана концепция «**криминальных генераторов**». Суть этой концепции, в частности заключается в том, что в районах с высоким риском совершения преступлений преступники и потерпевшие сталкиваются «естественным образом». Исследователи рассматривали места, где одновременно собирается много людей, как зоны, генерирующие, то есть стимулирующие, криминальное поведение. Исследователи относят к таким местам:

- **Торговые центры**
- **Остановки метро/автобусов**
- **Спортивные площадки**
- **Школы и другие учебные заведения**
- **Развлекательные заведения**
- **Парки.**

Именно эти территории «естественным образом» сводят преступника и потерпевшего. Их встреча сама по себе завершается совершением преступления [18].

Также, помимо мест, относящихся к зонам, создающим условия для преступности («криминальный генератор»), по мнению специалистов, существуют и другие места, мотивирующие совершение преступления – привлекающие зоны. Соответственно, такие территории обладают свойством привлекать преступников и создавать возможности для реализации их преступных мотивов. К таким территориям относятся:

- **ювелирные магазины**
- **банки и кассы**
- **районы, где проживают состоятельные люди**.

В дальнейшем были предприняты попытки внедрения этих концепций в практику. В частности, такие действия были осуществлены в городе Ванкувер, США, в ходе которых были проведены различные мероприятия: в связи с ростом краж, грабежей и разбоев на станциях метро города вокруг станций были установлены видеокамеры, а внутри и вокруг станций были организованы полицейские посты. В результате преступления против собственности граждан в городском метрополитене и его окрестностях снизились на 40 процентов [18].

Среди теорий современной криминологии есть научная школа, основанная канадским криминологом, профессором Университета Саймона Фрейзера в провинции Британская Колумбия, **Кимом Россмо**. Ким Россмо, работавший детективом по расследованию серийных убийств, попытался создать новую систему мотивов, ведущих к преступлениям, в частности, к серийным убийствам, и географии их совершения, используя новые подходы и методы.

В 90-х годах прошлого века в своей докторской (PhD) диссертации на тему «**География преступных целей**» (**Criminal Geographic Targeting** – **CGT**) Ким Россмо создал электронную программу, позже названную «**Rigel**». Суть этой программы заключалась в том, что в каждом многоэпизодном преступлении у преступников есть точки совершения убийства и точка проживания. На этой основе, объединив точки совершения преступления, с помощью анализа электронной программы «Rigel» можно определить вероятную точку проживания преступника.

Эти операции рассчитывались математическими методами, причем наивысший уровень вероятности отмечался «**красным**» цветом, средний – «**желтым**», а наименьший – «**зеленым**». Стоит отметить, что первый успех применения этой программы произошел в ходе расследования серийного убийства, совершенного в окрестностях Вашингтона в октябре 2002 года. Именно электронная программа «Rigel» оказала большую помощь в определении места проживания «Вашингтонского снайпера», который несколько месяцев держал жителей США в страхе и тайно превратил более 10 человек в мишени на станциях, автозаправочных станциях и вокруг магазинов, лишив их жизни. Приглашенный Федеральным бюро расследований (ФБР) в качестве специалиста, Ким Россмо ввел места совершения убийств в электронную программу, которая пришла к выводу, что убийца проживает в **парке Такома**, в 40 км от Вашингтона. В результате обысков, проведенных полицией в этом районе, удалось задержать **Джона Аллена Мухаммада** и его сообщника в авто-

мобиле в парке Такома. Они действительно жили в этом районе. В результате практического применения данной программы достигнута 90-процентная эффективность в выявлении исполнителей многоэпизодных преступлений против личности [19].

Несмотря на практическую значимость и эффективность рассмотренных теорий, их подходы подвергаются критике со стороны других криминологических школ. Основные возражения заключаются в том, что рассматриваемые теории не анализируют глубинные социальные причины преступности, в них часто уделяется слишком много внимания внешним факторам, вызывающим определенные ситуации в поверхностной окружающей среде. По мнению критиков, такие факторы, как *социальное неравенство*, *бедность* и *лишение возможностей социальной активности*, которые являются важными и основными факторами, способствующими преступности, недостаточно изучены в этих теориях [20].

В то же время криминологи резко критикуют меры по профилактике «ситуаций», полагая, что такой подход к проблеме преступности может не решать преступность по сути, а привязывать ее теоретические основы к определенному месту и времени, направляя ее в водоворот проблем, отличных от основных целей криминологии. Кроме того, критики считают, что усиление контроля и надзора в общественных местах вызывает обеспокоенность с точки зрения защиты частной жизни и гражданских свобод людей [21].

Представители другой криминологической школы – критической криминологии – выражают обеспокоенность тем, что акцент на индивидуальном выборе людей и их социальной ответственности приводит к игнорированию факторов и ситуаций, побуждающих людей совершать преступления, а также неравенства в обществе и системных проблем [22]. В частности, криминологи-социологи **Т. Хирши** и **М. Готтфредсон** признают важность самоконтроля и раннего формирования социальных связей в качестве основных факторов предотвращения делинквентного поведения [23].

Таким образом, особенность исторического развития современных криминологических теорий послужила, прежде всего, созданию новых возможностей общества в сфере предупреждения преступности. Эти теории заложили основу процесса смены социально-правовых и научных парадигм, таких как мобилизация всех сил и ресурсов общества на борьбу с «ситуациями», порождающими преступность на микроуровне – превентивной деятельностью, сформированной на основе общей политики и политики сокращения бедности предыдущего периода.

Также следует отметить, что современные криминологические теории, прежде всего, предлагают новые, эффективные подходы к предотвращению преступности: «**Теория рационального выбора**», «**Теория рутинной деятельности**», концепция «**Разбитых окон**» и стратегии «**Ситуационной профилактики**» предоставляют конкретные и практические инструменты для снижения преступности.

Основное значение этих теорий для криминологии Узбекистана заключается в том, что их применение, адаптированное к национальным условиям, позволяет усилить функцию социального контроля системы махалли, внедрить и развить программу безопасного пространства в регионах. Несомненно, расширение систем видеонаблюдения, улучшение освещения территорий и внедрение мер «ситуационной» профилактики посредством архитектурных решений помогут намного снизить уровень преступности.

Следует также отметить, что эти подходы не устраняют социально-экономические корни преступности. Поэтому целесообразно сочетать современные криминологические теории с программами борьбы с бедностью, безработицей и резкой стратификацией населения. Только комплексный подход – сочетание «**ситуационной профилактики**» и **социальных реформ** – позволит более полно достичь устойчивых результатов. Приоритетные направления уголовно-правовой политики, проводимой сегодня в нашей стране, и суть реализуемых мер служат именно этим целям.

Использованные источники

1. John Tierney. Criminology. Theory and context: Pearson Education Limited Эдинбург Гейт Харлоу Эссекс CM202JE www.pearsoned.co.uk
2. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлис ва Ўзбекистон халқига Мурожаатномаси: https://president.uz/uz/lists/view/8834
3. 05.01.2026 yildagi «Respublika mahallalarida xavfsiz muhitni yaratish yo'nalishida yaxlit manzilli ishlash tizimini joriy etishga qaratilgan qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida» O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 1-son qarori: https: //lex.uz/uz/docs/797361
4. Wortley R. A Classification of Techniques for Controlling Situational Precipitators of Crime //Security Journal. 2001. Vol. 14. № 4. P. 63-82.
5. Мил, Пол Э. (1954). Клиническое и статистическое прогнозирование: теоретический анализ и обзор доказательств. Миннеаполис: Издательство Университета Миннесоты . doi : 10.1037/11281-000. ISBN 97808166009 60. OCLC 374235 . Переиздано с новым предисловием в 1996 году Джейсоном Аронсоном (ISBN). 978-0963878496).
6. Айзенек Ю. Преступление и поведение. file:///C:/Users/Work/Desktop/%D0%93% D0%B0%D0% BD%D1%81%20%D0%90%D0%B9. files/Andrews_Bonta_1994-2010.pdf
7. Andrews, D.A., & Bonta, J. (2010). The Psychology of Criminal Conduct (5th ed.) James Bonta
8. D. A. Andrews. The Psychology of Criminal Conduct. https://doi.org/10.4324/9781003292128
9. The Psychology of Criminal Conduct, Fifth Edition Copyright. 1994, 1998, 2003, 2006, 2010 Matthew Bender & Company, Inc., a member of the LexisNexis Group New Providence, NJ.
10. Assessment-System-OASys-2.pdf: https://www.rma.scot/wp-content/uploads/2023/02/
11. Статистика по количеству дел, связанных с управлением правонарушителями, Англия и Уэльс. _caseload_ statistics_england _and_wales
12. Кетле Ламбер Адольф Жак (1796-1874). Человек и развитие его способностей /Соч. А. Кетле. Т. 1. – Санкт-Петербург: О. И. Бакест, 1865. XII, 228 с.
13. Shaw C. R., McKay H. D. Juvenile Delinquency and Urban Areas. Chicago, 1942.
14. Городские районы: Юриспруденция. Законоведенье, Правоведенье: //scienceoflaw.ru/books/item/f00/s00/z0000007/st028.shtml
15. Cohen L.E., Felson M. Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activity Approach // American Sociological Review. 1979. Vol. 44. № 4. P. 588-608.
16. Felson M. Crime and Everyday Life. 5th ed. Los Angeles: SAGE Publications, 2010.
17. Brantingham P.J., Brantingham P.L. Environmental Criminology. 2nd ed. Beverly Hills: SAGE Publications, 1991.
18. Kim Rossmo D. Place, space, and police investigations: Hunting serial violent criminals. 1995. In D. Weisburd & J. E. Eck (Eds.), Crime and place; Rossmo, D.K. Geographic Profiling. 2000.
19. Wortley, R. Critiques of Situational Crime Prevention. В книге: Environmental Criminology and Crime Analysis. Taylor & Francis. 2010.
20. Bottoms, A. E. Place, Space, Crime and Confinement. В книге: The Oxford Handbook of Criminology. Oxford University Press. 2007.
21. Harcourt, B. E. Illusion of Order: The False Promise of Broken Windows Policing. Harvard University Press. 2001
22. Sampson, R. J., & Raudenbush, S. W. (1999). Systematic Social Observation of Public Spaces: A New Look at Disorder in Urban Neighborhoods. American Journal of Sociology.
23. Gottfredson M.R., Hirschi T. A General Theory of Crime. Stanford: Stanford University Press, 1990.